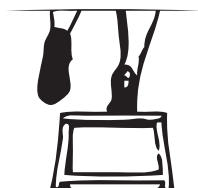


Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм



Ошибки и средства их исправления (Анархисты и нравственное чувство)

Эррико Малатеста

август 1896

Эррико Малатеста
Ошибки и средства их исправления (Анархисты и
нравственное чувство)
август 1896

“Errori e rimedi”, журнал L’Anarchia (London)

ru.anarchistlibraries.net

Число тех, кто называет себя анархистами, сегодня столь велико, и под именем анархии излагаются столь расходящиеся и противоречивые доктрины, что было бы ошибкой удивляться, когда публика, вовсе не знакомая с нашими идеями и не способная сразу различить великие различия, скрывающиеся под одним и тем же словом, остаётся равнодушной к нашей пропаганде и испытывает к нам определённое недоверие.

Мы не можем, очевидно, запретить другим присваивать себе имя, которое они выбирают. Что до нас самих – отказаться от наименования анархистов, это ничему бы не послужило, ибо публика просто решила бы, что мы переменили убеждения.

Всё, что мы можем и должны делать, – это недвусмысленно отделить себя от тех, у кого иное, чем у нас, понимание анархии и кто из этой же теоретической концепции

извлекает практические следствия, абсолютно противоположные тем, что извлекаем мы. И различие должно проистекать из ясного изложения наших идей и из честного и непрерывного повторения нашего мнения обо всех фактах, противоречащих нашим идеям и нашей морали, без оглядки на чью-либо личность или на какую-либо партию. Эта мнимая партийная солидарность между людьми, которые не принадлежали или не могли бы принадлежать к одной партии, была, без сомнения, одной из главных причин путаницы.

Ныне мы дошли до того, что многие превозносят в товарищах те же самые поступки, которые осуждают в буржуа, и кажется, что их единственный критерий добра и зла состоит в том, чтобы знать, называет ли себя автор того или иного поступка анархистом или нет. Великое множество ошибок привело одних к тому, что они открыто противоречат на практике принципам, которые исповедуют в теории, а других – к тому, что они терпят такие противоречия; так же и великое множество причин привело в нашу среду людей, которые в глубине души смеются над социализмом, анархией и всем, что выходит за пределы их личных интересов.

Я не могу предпринять здесь методический и полный анализ всех этих ошибок и ограничусь поэтому рассмотрением тех, что меня более всего поразили.

Поговорим прежде всего о морали.

Нередко можно встретить анархистов, которые отрицают мораль. Поначалу это просто манера говорить, чтобы установить, что с теоретической точки зрения они не допускают морали абсолютной, вечной и неизменной и что на практике они восстают против буржуазной морали, которая санкционирует эксплуатацию масс и карает все поступки, наносящие ущерб или угрожающие интересам привилегированных. Затем, мало-помалу, как бывает во

многих случаях, они принимают риторическую фигуру за точное выражение истины. Они забывают: в обычной морали есть правила, которые попы и хозяева внушают ради своей выгоды. Но есть и другая часть – та, без которой люди вообще не могли бы жить вместе. И вот об этом они забывают. Они забывают, что восставать против правил, навязанных силой, вовсе не значит отказаться от всякой морали и от всякого чувства долга перед другими. Они забывают, что бороться с одной моралью можно только одним способом – противопоставить ей другую, высшую мораль, и в теории, и на практике. А в итоге – под влиянием характера и обстоятельств – они порой становятся аморальными в полном смысле слова: людьми без правил, без нравственных ограничений, которые просто плывут по течению и делают то, что взбредёт в голову. Сегодня они отдают последний хлеб товарищу, а завтра убьют человека, чтобы пойти в бордель!

Мораль есть правило поведения, которое каждый человек считает хорошим. Можно находить дурной господствующую мораль такой-то эпохи, такой-то страны или такого-то общества – и мы действительно находим буржуазную мораль более чем дурной; но нельзя помыслить общество без какой бы то ни было морали, как и сознательного человека, у которого нет никакого критерия для суждения о том, что хорошо и что плохо, для себя самого и для других.

Когда мы боремся с нынешним обществом, мы противопоставляем буржуазной индивидуалистической морали мораль борьбы и солидарности и стремимся установить учреждения, соответствующие нашему пониманию отношений между людьми. Если бы было иначе, почему бы мы не находили правильным, что буржуа эксплуатируют народ?

Другое вредное утверждение – искреннее у некоторых, но для других лишь отговорка – состоит в том, что нынешняя социальная среда не позволяет быть моральным и что, следовательно, бесполезно предпринимать усилия, обречённые остаться без успеха; лучшее, что можно сделать, – извлечь из нынешних обстоятельств максимум возможного для себя, не заботясь о ближнем, разве что изменить жизнь, когда изменится и социальная организация. Разумеется, всякий анархист, всякий социалист понимает экономические фатальности, которые сегодня вынуждают человека бороться против человека; и он видит, как хороший наблюдатель, бессилие личного бунта против преобладающей силы социальной среды. Но столь же верно и то, что без бунта индивида, объединяющегося с другими бунтующими индивидами, чтобы противостоять среде и стремиться её преобразовать, эта среда никогда не изменится.

Мы все, без исключения, вынуждены жить более или менее в противоречии с нашими идеями; но мы социалисты и анархисты именно в той мере, в какой мы страдаем от этого противоречия и стремимся, насколько возможно, сделать его меньшим. В тот день, когда мы приспособимся к среде, у нас, очевидно, больше не будет желания её преобразовывать, и мы станем просто буржуа; буржуа без денег, может быть, но не менее буржуа в поступках и намерениях.

Ещё одним источником очень серьёзных ошибок и нареканий стало истолкование, которое многие дают теории насилия.

Сегодняшнее общество держится на вооружённой силе. Ни один угнетённый класс никогда не сумел освободиться без применения насилия; привилегированные классы

Что касается меня, я нарушил бы любой принцип в мире, чтобы спасти человека; и в этом я на самом деле отстаивал бы принцип, ибо, как я вижу, все общественные и социологические принципы сводятся по существу к одному: благосостоянию людей, всех людей.

Поскольку некоторые, впечатлённые моим отвращением к ненужному, вредному насилию, попытались приписать мне – я не совсем уверен, с намерением ли похвалить меня или очернить – склонность к толстовству, позвольте мне воспользоваться этой возможностью, чтобы заявить, что, на мой взгляд, это учение, сколь бы возвышенно альтруистическим оно ни казалось, в действительности есть полное отрицание инстинкта и общественных обязанностей. Человек может, если он очень... христианин, терпеливо сносить всевозможные обиды, не используя всех доступных средств для самозащиты, и, возможно, остаться нравственным человеком. Но на практике и весьма против своей воли – не будет ли он просто чудовищно эгоистичен, если позволит другим терпеть угнетение, не пытаясь прийти им на защиту? Если, скажем, он предпочтёт видеть какой-то класс ввергнутым в нищету, каких-то людей угнетаемым захватчиком, какого-то человека терпящим посягательство на его жизнь и свободу, – вместо того чтобы у угнетателя был повреждён хотя бы волос на голове?

Могут быть случаи, когда пассивное сопротивление является эффективным оружием, и в таком случае оно, конечно, было бы самым похвальным оружием, поскольку было бы наиболее щадящим с точки зрения человеческих страданий. Но в большинстве случаев исповедание пассивного сопротивления означает, что угнетатели избавлены от страха перед бунтом, и тем самым это превращается в предательство дела угнетённых.

Странно отметить, как *террористы* и *толстовцы*, именно потому, что они все, как один, мистики, приходят к почти одинаковым практическим последствиям. Те, кто не поколеблется уничтожить половину человечества, лишь бы *идея* восторжествовала; и те, кто позволит всему человечеству быть раздавленным тяжестью величайших страданий, лишь бы не нарушить принцип.

никогда не уступали часть, мельчайшую долю своих привилегий, иначе как под действием силы или страха перед силой. Нынешние общественные институты таковы, что изменить их путём поэтапных, мирных реформ представляется невозможным; и необходимости насильственной революции, которая, прорвав и растоптав все законы, заново основывает человеческое общество на новых началах, нельзя избежать. Упорство и жестокость, с которыми буржуазия реагирует даже на самые безобидные требования пролетариата, доказывают неизбежность насильственной революции. Поэтому логично и необходимо, чтобы социалисты, и особенно анархисты, формировали революционную партию и предвидели и ускоряли революцию.

К несчастью, однако, у людей есть склонность путать средства с целью; и насилие, которое мы рассматриваем как – и так оно и должно оставаться – суровую необходимость, для многих превратилось практически в единственную цель борьбы. История полна примеров людей, которые, начав борьбу за высокую цель, затем, в пылу битвы, потеряли над собой контроль и утратили из виду свою цель, превратившись в свирепых мясников. И, как показали недавние события, многие анархисты не избежали этой ужасающей опасности в насильственной борьбе. Раздражённые преследованиями, доведённые до безумия случаями слепой дикости, ежедневно исходящими от буржуазии, они начали подражать примеру, поданному буржуа; и дух мести, дух ненависти заменил дух любви. И, подобно буржуа, они назвали такую месть и ненависть справедливостью. Затем, чтобы оправдать такие действия, которые можно было бы объяснить как следствия ужасного положения пролетариата и принять как ещё один довод в пользу уничтожения состояния дел, способного породить столь мрачные результаты, некоторые начали изобретать самые причудливые, самые фанатичные, самые авторитарные

теории; и, не заботясь о самопротиворечии, они изображали их как новейшее достижение анархистской мысли. Одновременно заявляя себя детерминистами и отрицая само понятие ответственности, они принялись выслеживать тех, кто ответствен за нынешнее положение дел, и определили их не только в сознательных буржуа, которые сознательно творят зло, не только в массе буржуа, которые являются буржуа по рождению и никогда не ставили под вопрос свой статус, но и в массе рабочих, которые являются главной опорой угнетения, терпя его без бунта; и вынесли им всем... смертный приговор. И был даже такой чудака, который, бредя о какой-то «скрытой ответственности», заключил, что беременные женщины и дети заслуживают того, чтобы их зарезали! Справедливо ставя под вопрос право буржуазных судей налагать хотя бы час тюремного заключения, они сами делают арбитрами в жизни и смерти других и доходят до того, что говорят, будто те, *кто не думает, как мы, заслуживают смерти!* В это невозможно поверить, и многие отказываются этому верить! И всё же всего несколько недель назад, вот в одной «анархистской» газете, на всеобщее обозрение, были напечатаны такие слова: «В Барселоне во время религиозной процессии взорвалась бомба, оставив 40 убитых и кто знает сколько раненых на земле. Полиция арестовала более 90 анархистов в надежде схватить героического автора этого злодеяния». Ни обоснования, ни смысла, ничего; есть героизм в резне беззащитных женщин, детей и мужчин – потому что они были католиками. Это шаг за пределы вендетты: это болезненный пыл жаждущих крови мистиков, кровавая жертва на алтаре Бога... или идеи, что одно и то же. О Торквемада! О Робеспьер!

Спешу сказать, что подавляющее большинство испанских анархистов высказалось против этого безумного деяния. Но есть те, кто выдаёт себя за анархистов и кто ли-

кует по поводу этого поступка; и этого достаточно, чтобы правительства могли делать вид, будто все мы – одна компания, а публика и вправду начинала нас путать.

Будем же громко кричать об этом во все времена: анархисты не должны и не могут быть мстителями; они – освободители. Мы не питаем ненависти ни к кому; мы боремся не для того, чтобы отомстить за себя или за кого-то другого; мы ищем любви ко всем, свободы для всех.

Поскольку существующая социальная необходимость и упорное сопротивление буржуазии вынуждают угнетённых прибегать к последнему средству – физической силе, мы не отшатываемся от суровой необходимости и готовимся успешно применить её. Но пусть не будет у нас ненужных жертв, даже в стане врага. Сама цель, ради которой мы боремся, требует от нас быть добрыми и гуманными даже в пылу битвы; поэтому я не понимаю, как можно бороться за такую цель, как наша, не будучи добрыми и гуманными. И не будем забывать, что освободительная революция не может родиться из резни и террора, ибо они были – и всегда будут – повивальными бабками тирании.

С другой стороны, анархистскому движению угрожает ещё одна ошибка, противоположная той, которую совершают террористы. Отчасти как реакция на то, как насилие использовалось в последнее время во вред, отчасти из-за сохраняющихся христианских представлений и прежде всего из-за влияния мистической проповеди Толстого, чей гений и моральные качества сделали её модной и придали ей престиж, сторонники пассивного сопротивления начинают приобретать определённое значение среди анархистов, их принцип состоит в том, что мы должны терпеть угнетение и унижение как в отношении себя, так и в отношении других, вместо того чтобы причинять вред угнетателю. Это то, что было названо пассивной *анархией*.